

С. Я. НАБИЕВА
Бакинский славянский университет

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СЛОЖНОЙ СТРУКТУРЫ (ПСС) С РАЗНОФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

Açar sözlər: atalar sözləri, mürəkkəb quruluş, cümlə, komponent;

Ключевые слова: пословицы, сложная структура, предложение, компонент;

Key words: proverbs, complex structure, sentence; component

Под пословицами сложной структуры (ПСС) с разнофункциональными компонентами мы имеем в виду конструкции, в составе которых выступают разные по цели высказывания «простые предложения»; примерами служат конструкции типа:

- *Zavarıl kaşu – ne jaleý masla* (1, 30)

- *Məscidin qapısı açıq oldu, itin həyasına nə gəldi?* (11, 490)

Как видно, компонентный состав первого ПСС включает повествовательное и побудительное предложения, а в составе второго примера сочетаются повествовательное и вопросительное предложения.

ПСС бинарной или многокомпонентной структуры в синтаксической теории оказались не исследованными. Видимо, это связано с тем, что синтаксисты довольствуются той характеристикой, которая дана конструкциям с разнофункциональными компонентами из литературного языка.

Так, Г. В. Валимова отмечает, что в системе сочетаемости разнофункциональных компонентов выявляются свои закономерности, определяющие степень связанности компонентов: «Сочетание компонентов в составе сложного предложения не является свободным. Ограничения в сочетаемости связаны с характером структурной модели каждого отдельного типа сложного предложения, поэтому для сложносочиненного предложения они одни, для сложноподчиненного – другие» (3, с 328-329).

Автор основное внимание сосредоточивает на конструкциях с обязательным вопросительным компонентом и приходит к заключениям:

а) сложноподчиненные вопросительные предложения состоят обычно из разнофункциональных частей, что не препятствует их вопросительному смыслу и вопросительное значение всей конструкции определяется главной частью сложного предложения (там же, с 252). Это означает: каким по цели высказывания является главное предложение сложноподчиненной конструкции, таким является вся эта конструкция. И в этом смысле вопросительные сложноподчиненные предложения

находятся с однофункциональными сложноподчиненными предложениями в системных отношениях (там же, с 253).

Что касается сложносочиненных предложений с разнофункциональными компонентами, то их функциональная целостность и одномерность менее значительны, более слабы.

В любом случае, ПСС сложноподчиненной структуры воспринимается более компактно, как простое предложение; сравним:

- *Куда соваться в волки, коли хвост собачий?* (1, 155); - *С горы-то съехали, а в гору-то как?* (1, 275); - *Eşşək nə bilir (ki), zəfəran nədir?* (11, 315); - *Başlı başın saxlasın, tən başımdan bezaram* (12, 52).

Восприятие сложноподчиненных структур как нераздельной целостности доказывается и тем, что придаточные части так или иначе «растворяются» в главной части как ее структурный элемент, поэтому и не редуцируются во всех вариантах: *Зачем соваться в волки, если хвост собачий; Нельзя соваться в волки, если хвост собачий, и т. п.* Более интересен в этом отношении пример из азербайджанского языка. «*Eşşək nə bilir zəfəran nədir*» не только воспринимается как простое предложение, эта пословица в некоторых сборниках даже представляется как простое (11, с 215), хотя чисто синтаксически она конструирована как сложноподчиненное предложение с придаточным дополнением. В такой форме она дается, например, в сборнике Дж. Бейдилли «*Eşşək nə bilir ki, zəfəran nədir?*» (12, с 102).

Другое дело, например, сложносочиненные конструкции (2 и 4 из приведенных примеров), которые уже фиксируются в своих редуцированных формах (*с горы-то съехали...*; *Başlı başın saxlasın* (11,)). Для сохранения и передачи смысла этих ПСС сочинений структуры, казалось бы, наличие обеих частей строго необходимо, потому что именно в «столкновении» смыслов, в противопоставлении разнофункциональных частей вырисовывается общее значение ПСС: *С горы-то мы съехали (т. е. когда легко), а как в гору-то подниматься, взъехать (когда очень трудно).* Такого же толкования требует азербайджанская пословица, которая в своей исходной (как ССП) форме уже малоизвестна, употребляется в форме ФЕ «*Başlı başın saxlasın*». Исходная форма «*Başlı başın saxlasın, tən başımdan bezaram*» означает: *мне моя голова (жизнь) не дорога, не больно нужна, пусть заботятся о своей голове те, у которых она (голова) чего-то стоит.* В конструкции «*Başlı başın saxlasın*» слово «*başlı*» представляет в определенной мере оппозиционную структуру сложносочиненной конструкции с разнофункциональными (побудительная и повествовательная) частями: *başlı* означает «*те, у кого голова на плечах; у кого жизнь (голова) чего-то стоит*», т.е. имеется в виду не наличие физического органа тела: голова у всех есть....

Принципиальное отношение к ПСС, в которых части выражены комбинациями «повествовательное предложение + вопросительное предложение», «побудительное + повествовательное» и т. п., предполагает оценку этих конструкций прежде всего с точки зрения устойчивой целостности, т. е. с точки зрения того, за счет чего в ПСС достигается эта целостность. Вопрос актуален в первую очередь по следующей причине. Дело в том, что сложные предложения с разнофункциональными компонентами (частями) из обычного языка квалифицируются в зависимости от того, какой тип сложного предложения (сложносочиненное или сложнопод-

чиненное) в них представлен. Так, Г.В. Валимова, исследовавшая сложные и усложненные предложения с разнофункциональными компонентами в русском языке, приходит к выводу о системном представлении всех видов вопросительных придаточных в СПП с главной повествовательной частью. (3, с 165-188)

В сложносочиненных предложениях с разными функциональными частями сочинительные отношения и связи несколько ослаблены и эти ССП можно квалифицировать как сочетание предложений (*Однако время идет, и как же будет с Кордильерами?*), поскольку «признаком повествовательно-вопросительных предложений становится употребление этого типа конструкций, а не значение противопоставленности...» (там же, с 113).

Исходя из фразеологизированности объекта нашего анализа (ПСС), установление подобного широкого диапазона функционирования будет не совсем логично. Части ПСС не могут быть семантически самостоятельны, насколько они самостоятельны в обычных предложениях. И в принципе пословицная (синтаксически несвободная) конструкция не допускает квалификации ее частей как самостоятельных предикативных единиц, если даже они на уровне структурных моделей напоминают простые предложения. В ПСС эти модели имеют закрепленный лексический состав и именно в этом составе (лексическом наполнении) части противопоставлены друг другу. Такое состояние – первый признак устойчивой семантики ПСС. Более того, не следует упускать из виду, что пословицы в принципе – единицы констатирующего мышления. Поэтому для них единственно характерным, релевантным является индикативное выражение – повествовательное предложение. Побудительные, вопросительные формы предложений (и частей ПСС в том числе) для паремийных конструкций в целом не характерны; по логике семантической структуры паремиологическая конструкция не должна принимать эти формы.

Но вместе с тем, эти формы «целевых» конструкций в системе пословиц все же встречаются.

Вопрос о том, каковы причины функционирования вопросительных и побудительных форм пословицных единиц (подобных частей ПСС ТАКЖЕ) требует, на наш взгляд, несколько расширительного толкования.

Вопросительные и побудительные разновидности пословиц, как мы уже отметили, немногочисленны. Пословицный фонд любого языка формируется на базе констатирующих (повествовательных) предложений. Это касается и отдельных, самостоятельных простых пословицных единиц, и частей сложных конструкций. Но, как мы убедились, в русском и азербайджанском языках есть группа пословиц, оформленных как побудительные или как вопросительные предложения. Этими функциональными типами предложенческих моделей иногда выражаются также части ПСС.

Так или иначе мы, следовательно, имеем дело со сложными конструкциями двух видов: а) в которых обе части выражены побудительными предложениями либо вопросительными предложениями. Подобные ПСС могут быть охарактеризованы с точки зрения единой функциональной основы – они либо побудительные в целом (если обе части оформлены как побудительное предложение: *Умей взять, умей и отдать!*; *Adını sıxart, get otur dəyirmanı*), или вопросительные (*Кто бабушке не внук, кто молод не бывал* (4, 357); *Ayrılan içməyə gəlmişən, yoxsa ara*

аштаға?); б) в которых части представляют разные по цели высказывания «предложения», т. е. разнофункциональные единицы.

ПСС с однофункциональными частями (обе части повествовательные, обе части побудительные и т. д.) составляют системную базу всего комплекса пословиц в языке: простые предложения по цели высказывания распадаются на эти три группы, такую же систему составляют и ПСС. В данном случае мы получаем подтверждение тому, что сложные предложения так же, как и простые предложения, являются самостоятельной синтаксической единицей со своими специфическими закономерностями организации. Языковая реальность сложных предложений бинарной структуры, таким образом, системно поддерживается их функционированием в паремиологическом фонде языка.

Однако в данном случае нас больше интересуют ПСС с разнофункциональными частями, которые по своей формальной организации могут быть квалифицированы как логически не совсем удовлетворяющие требованиям организации сложных структур. Но они существуют в языке и полнокровно функционируют так же как ПСС с однофункциональными компонентами:

- *Aza qane ol, çoхlu qazanarsan* (11, 16); - *Allahdan gizli deyil, bəndədən nə gizli?* (11, 56); - *Коли тут житья нет, так жди перевода на тот свет* (5, 120); - *Стукни по голове молотом, не отзовется ли золотом* (5, 166); - *Полно судиться – не лучше ли помириться* (5, 172)

В примерах есть все сочетания разнофункциональных компонентов: побудительного и повествовательного (1), повествовательного и вопросительного (2), повествовательного и побудительного (3), побудительного и вопросительного (4) и, наконец, повествовательного (по форме) и вопросительного.

Подобные конструкции показывают системный характер не только сочетающихся компонентов, но и формирующихся типов сложного предложения – как сложноподчиненных (3), сложносочиненных (4), так и бессоюзных (1, 2, 5). Эта системность проявляется и в том, что между компонентами устанавливаются те же смысловые отношения, что и в «классических» ПСС, с теми же средствами связи, с той лишь разницей, что бессоюзная связь в этих конструкциях превалирует. Между тем, развитие бессоюзной связи более характерно для общей системы сложных пословиц; и это было нами уже отмечено. И здесь, как мы видим, ПСС с разнофункциональными компонентами ничего из ряда вон выходящего не предъявляют.

Особую роль ПСС с разнофункциональными компонентами мы видим в другом. Они представляют синкретичные (переходные) конструкции между ПСС и микротекстами типа: *Тит, поди молотить! – Брюхо болит. – Тит, поди кисель есть! – А где моя большая ложка?* (1, 300).

Иначе говоря, конструкции с разнофункциональными элементами (частями) совмещают признаки сочетаемости и средств связи ПСС и малых текстов (притч, например), построенных на вопросо-ответных репликах. Как видно, семантическая структура приведенного микротекста (он также взят из сборника пословиц) в принципе адекватна с семантической структурой пословиц типа «*Əkəndə uox, biçəndə uox, yeuəndə orta qardaş*» или «*Работать не горазд, а поест – как раз*».

Все же семантическую основу функционирования отмеченных ПСС составляет другой фактор. ПСС с разнофункциональными компонентами действуют в пределах одного семантического поля с ПСС констатирующего смысла. А это значит,

что разнофункциональные компоненты лишь по форме представляют побудительные или вопросительные предложения. По своей базовой семантике (обобщенному смыслу) они повествовательные, описательно-констатирующие предложения. Недаром в некоторых сборниках представляются рядом варианты ПСС с разнофункциональными и однофункциональными компонентами:

- *На что нам ружье, коли стрелять не умеем?* = *Не надобно ружья, коли стрелять не можем* (1, 200); - *Abirli abirından qorxar, abirsiz nədən qorxar?* (11, 16) = *Abirli abirından qorxar, abirsizin heç nədən qorxusu olmaz*;

Поэтому в конструкциях «побудительные части» выступают в роли описательно-констатирующего повеления, а вопросительные – в роли риторических или нейтрализованных вопросов – вопроса-повествования. Видимо, по этой причине составители некоторых даже академических сборников пословиц одноструктурные пословицы пунктуационно оформляют не одинаково. Так, например, в сборнике «Русские пословицы и поговорки» под редакцией В. П. Аникина (с 200) две пословицы, включающие вопросительный компонент, оформлены по-разному – одна представлена как вопросительная (в конце есть вопросительный знак), другая – как повествовательная (в конце точка):

- *На что мягко стлать, коли не с кем спать?*; - *На что нам ружье, коли стрелять не умеем*; - *İgid ölər, adı qalar, mîxənnətîn nəyi qalar?* (11, 356; 12, 133)

И нет ничего удивительного в том, что пословицу, оформленную как вопросительная ПСС, в другом каком-нибудь сборнике встречаем как повествовательное предложение.

Кроме того, ПСС с разнофункциональными компонентами, по нашим подсчетам, составляют не более 0,5 процента от общего количества всех сложных конструкций. Эти подсчеты мы проводили на материале сборников «Пословицы русского народа» В. И. Даля и «Atalar sözü» А. Гусейнзаде. Соотношение почти одинаковое для азербайджанского языка.

Выше мы отметили, что пословицы – языковые единицы, ориентированные на так называемое констатирующее мышление (см. подробнее 4, с 163). Это принципиальный момент, лежащий в основе смысловой структуры пословичного жанра народной мыслительной деятельности. Так что участие вопросительных и побудительных предложений как самостоятельных, так и в качестве компонентов ПСС следует воспринимать как факты, подтверждающие характерность для системы пословиц именно повествовательных конструкций. Побудительные и вопросительные формы самостоятельных пословиц, представленные в различных сборниках (например, *Зачем свинье розовая вода?* (8, с 14); *Не учи рыбу плавать (там же)*), это, скорее всего, их разговорно-речевые варианты, встречающиеся чаще, чем концептуальная (обобщенно-понятийная) форма «Рыбу плавать не учат, Ни к чему свинье розовая вода» и т. п. Побудительные и вопросительные формы пословиц, таким образом, оказываются показателями системности повествовательной формы в структуре пословиц.

Известный русский паремиолог Г.Л. Пермяков объясняет факт наличия разнофункциональных пословичных выражений с позиций разграничения пословиц и поговорок (замкнутости/ открытости клише): «С первого взгляда может показаться, что для... поговорок и присловий предложения побудительного и вопросительного подтипов не только не характерны, но и маловероятны. Действительно, поговорок, существующих только в вопросительной форме (по крайней мере в русском языке), очень мало. В объемистом сборнике В. И. Даля... есть всего несколько десятков

вопросительных изречений (*С твоим ли рылом да в собор к обедне?... Сходные побудительные предложения вроде «Езжай в Тулу со своим самоваром» или «Некто загребаёт жар чужими руками». Только высказаны они в виде побудительного предложения. С таким же успехом их можно выразить и в вопросительной форме: «Надо ли ехать в Тулу со своим самоваром?»... (8, с 14).*)

В своей функциональной оценке пословичных конструкций Г. Л. Пермяков допускает, на наш взгляд, некоторые неточности. Признак утвердительности или отрицательности – это не «цель высказывания» а модальная характеристика предложений. Этот вопрос в синтаксисе, на наш взгляд, уже не является предметом дискуссий (см. например, 9, с 387-394). С другой стороны, сама возможность трансформации тех или иных пословичных конструкций, как видно из примеров Г. Л. Пермякова, нередко переводит поговорку в разряд простых фразеологизмов: Нехорошо чужими руками жар загребают; Легко чужими руками жар загребают (1, 160) являются поговорками, а «чужими руками жар загребают» - фразеологизмом (см. 7, с 162). Формы типа «Некто чужими руками жар загребаёт» (*Filankəs ilanı Seyid Əhməd əli ilə tutur*) сами по себе представляют контекстуально адаптированные формы поговорок, т.е. представляют одну из парадигматических форм предикативной единицы. Поэтому квалифицировать отдельные парадигматические формы одного и того же языкового знака как разные конструктивные типы единиц не совсем корректно. А самое главное – дифференциация «целевых» самостоятельных поговорок (*А нешто знает собака пятницу?*) и ПСС, т. е. сложных конструкций с вопросительным или побудительным компонентом.

«Парадигматические» трансформации простых самостоятельных поговорок отмечены несколькими конструктивными моделями: все они имеют значение, релевантное для повествовательной формы: *Стоит ли ездить в Тулу со своим самоваром?; В Тулу со своим самоваром не ездят; Не езжай в Тулу со своим самоваром и т. п.*

Как видно, инвариантной моделью все-таки остается повествовательная форма. Она и представляется в сборниках как модельная форма. В случаях, когда в сборниках дается повествовательная (вопросительная или побудительная формы) форма, то довольно часто она сопровождается повествовательной формой. Здесь как бы подчеркивается, что более обобщенной, «пословичной» является все же повествовательная форма высказывания; ср.: *За глаза про кого не говорят? (5, 186) = За глаза и про царя говорят (там же) = За глаза и архиерея бранят (там же); Что на зеркало пенять, коли рожа крива? (5, 185) = Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива (там же); Allah verəməyəndə bəndə neyləsin? (11, 54) = Allah verəndə yox yerdən verər (там же) = Allah verəndə bəndədən soruşmaz (12,32); Allah verəndə bacaran tökər (12, 32) и т. п.*

Однако сложные пословичные конструкции с разнофункциональными компонентами такой широкой «парадигмы» не имеют, хотя в своем контекстуальном употреблении могут приобретать некоторые видоизменения:

1) - *Abdal nə bilir ki, heyva kaldır? (1, 16); - Abdal nə bilsin ki, heyva kaldır? 2) - Axmaq özünə düşməndir, özgəyə necə dost ola bilər? (12, 28); - Axmaq özünə düşməndisə, özgəyə dost ola bilməz. 3) - Göydən nə yağdı ki, yer onu qəbul elmədi? (12, 116); - Göydən nə yağsa, yer onu qəbul elər.*

Сужение «парадигматического» потенциала ПСС с разнофункциональными частями нами объясняется возможными реализациями сочетаемости компонентов в

составе сложного целого. Сочетаемость компонентов во всех типах сложных предложений регулируется прежде всего семантическими характеристиками сочетающихся компонентов: не всякая предикативная единица способна к широкой сочетаемости с другими предикативными структурами в составе сложных конструкций. Сочетаемостные возможности разнофункциональных компонентов в составе ПСС более бедны, чем возможности соединения между компонентами обычных сложных предложений (см. об этом 3, с 31-44).

И если исходить из категории варьирования, то следует признать, что в системе вариантов не все формы равноправны. Среди них, как отмечает Е. И. Шендельс, обычно существует доминирующая структура, которая определяется «по частотности употребления, а также по тому, что она передает наиболее четко существенные признаки модели», т. е. более четко определяет тождество модели (10, с 17).

Это означает, что существующие и возможные варианты ПСС с разнофункциональными компонентами практически подтверждают и поддерживают исходную форму модели – повествовательное ее значение.

Повествовательное-констативное значение иногда просто оформляется побудительной или вопросительной конструкциями, которые так или иначе являются системными формами повествования, поскольку и вопрос и побуждение в ПСС отмеченного типа представляют синонимические отношения – вопрос представляется практически всегда как риторический, а побуждение как обобщенная назидательная необходимость (*He ploy в колодец, пригодиться воды напиться = Нельзя плевать в колодец, коль скоро придется воды напиться*). Здесь напрашивается, на наш взгляд, следующее заключение. Функционально различные предложения представляют различные формы речевых актов. В системе самостоятельных речевых актов они выполняют различные функции – констатива, побуждения-директива, вопроса. В системе ПСС все эти «смыслы» обслуживают одну функцию – генерализованный (концептуально-символический) смысл констатирующей единицы, констатирующего языкового знака, который занимает центральную позицию в системе речевых актов.

Этим еще раз подтверждается семантико-структурная целостность ПСС в обоих языках, которые иных структурных изменений речевого характера не допускают. Так, например, ПСС абсолютно не приемлют деструктивного оформления, которое иной раз наблюдается в СПП или ССП обычного речевого производства: *Я ножницами бьюсь когда дети играют = Я бьюсь, когда дети играют ножницами* (6, с 236-238).

Итак, думается, мы рассмотрели все факторы и явления, подтверждающие семантико-структурную целостность сложного предложения в облике ПСС. Для демонстрации системного характера структурно-семантической цельности ПСС мы проанализировали также фактор, сдерживающей процесс сокращения ПСС, фактор несколько тормозящий материальное развитие этих сложных структур в направлении формирования «совершенного минимума».

Изучение ПСС с разнофункциональными компонентами имеет еще тот выигранный смысл, что части ПСС, которые выражаются неповествовательными предложениями обычно становятся ареной для образования фразеологизмов:

- *Mascidin qapısı açıq oldu – bas itin həyasına nə gəlib?* (11, 490); - *Bəzənmişən bu gündəsən, bəzənmişən nə gündəsən?* (11, 114); - *Biği buraxmışan, saqqala salam vermirsən?* (11, 141); - *Qaz vur, qazan dolsun, sərçə qarın doyurmaz* (11, 171); - *Qızın*

oldu, qırmızı donunu çıxart! (11, 208); - *Elə bilirsən, qara gözüna aşıq olub?* (11, 308); - *Gönü suya vermə, verdin – heyifslənmə* (11, 463)

Такое широкое формирование фразеологических единиц на базе ПСС с разнофункциональными компонентами для русского языка не характерно.

Использованная литература:

1. Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки, Москва, Художественная литература, 1988, 432 с.
2. Волгина Н. С. Синтаксис современного русского языка, Издательство 2-ое, Москва, Высшая школа, 1978, 439 с.
3. Валимова Г. В. Функциональные типы предложений в современном русском языке, Ростов-на Дону, Издательство РГУ, 1967, 330 с.
4. Гамидов И. Г. Философия грамматики афоризмов и пословиц, Баку, Сабах, 2001, 271 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа (напутное), Москва, Учпедгиз, 1957, 990 с.
6. Кручинина И. Н. Об одном способе линейной организации сложного предложения, // Синтаксис и норма, Москва, Наука, 1974, с. 235-248.
7. Мокиенко В. М. Славянская фразеология, Москва, Высшая школа, 1980, 205 с.
8. Пермяков Г. Л. Русские пословичные изречения различной структуры, // От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише), Москва, Наука, 1970, с. 131 – 138.
9. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, Москва, Эксмо, 2010, 570 с.
10. Шендельс Е. И. Синтаксические варианты, // Филологические науки, 1962, 32,
11. Hüseynzadə Əbulqasım, Atalar sözü, Bakı, Yazıçı, 1985, 690 s.
12. Məmmədov B. C. Atalar sözü, Bakı, Öndər nəşriyyat, 2004, 262 s.

XÜLASƏ

Mürəkkəb cümlə quruluşlu paremioloji vahidlər, adətən, məna və sintaktik model-lər səviyyəsində araşdırılır. Bu vahidlərin xüsusi bir aspekti – komponentlərin məqsədə görə eynifunksional və ya müxtəlif funksional olmasının nəzəri əsasları üzə çıxıb aktual-laşır. Göstərilən aspektin öyrənilməsi təkcə paremioloji vahidlərin semantik-qrammatik spesifikasiyasını deyil, ümumiyyətlə, mürəkkəb cümlə sferasının sistemli quruluşunu sübut edən amillərdən birinə çevrilir.

SUMMARY

Paremiologic units with the structure of complex sentences usually are studied in the level of semantic and syntactic models. The theoretical bases of the special aspects of these units, being of the same and different functions, as to their aims become apparent and actualized. Study of these indicated aspects turn to one of the factors proving not only the semantical-grammatical specification of paremiological units, but also they prove the systematic structure of complex sentence sphere in general.